

Роджер Желязны

Спасение Фауста

Роджер Желязны Спасение Фауста

Vladimir

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161199

Роджер Желязны

Спасение Фауста

Звонят проклятые колокола времен Оргий. Мои слова расплываются на странице.

Моргнув, я вижу, что бумага намочла.

У вина странный вкус, в воздухе гнилостный аромат, и Елена тихонько похрапывает во сне...

Я встаю. Подхожу к окну и выглядываю наружу.

Животные предаются веселью.

Они похожи на меня. Они ходят и говорят, как я. Но они животные. *Animale post coitum triste est* (животное после соития печально) – не всегда правильно. Они счастливы.

Бегают вокруг огромного шеста, бесстыдно рассыпаются по деревенской зелени; воистину счастливые животные. Они счастливы вновь и вновь.

Колокола!

Я отдал бы все, чтобы присоединиться к ним!

Но они питают ко мне отвращение.

...Елена?

Нет. Нет мне сегодня утешения. Ибо воистину я *triste*.

Вино. Их вино начинает течь с раннего утра! Благословенное опьянение охватывает всю округу. Мое же вино отдает горечью.

Я проклят.

– Боже, мой Боже, зачем ты отвернулся от меня?

– Фауст?

– Елена?

– Иди ко мне.

Я целую ее с нежностью, исполненной того странного чувства, что наполняет меня все последние месяцы.

– Почему?

– Что почему, милая?

– Почему ты так ко мне относишься?

– У меня нет слов, чтобы выразить чувство.

Еленины слезы падают на покрывало, горестно увлажняют мои руки.

– Отчего ты не такой, как другие?

Я смотрю в окно. Каждый удар колокола Оргий отдается в стенах моей плоти, в каркасе скелета.

– Я выторговал нечто очень ценное, милая, отдав все, чем владею.

– Что это?

– У меня нет слова для этого.

Я возвращаюсь на балкон и бросаю пригоршню золотых монет попрошайкам, толпящимся у моих ворот. Они разрываюся между желанием получить милостыню и стремлением откликнуться на похотливый зов своей дряблой плоти. Да возымеют они и то и другое!

А теперь убирайтесь!

Мой взгляд падает на кинжал, церемониальный кинжал,

который я использовал в ритуалах. Если бы только у меня была сила, была воля...

Но что-то, чего я не в силах постигнуть, кричит во мне: «Не смей! Это...» Я не знаю, как выразить эту идею словами.

– Вагнер!

Внезапное решение. Униженная мольба. Попытка...

– Вы звали, хозяин?

– Да, Вагнер. Приготовь северную комнату. Сегодня я буду колдовать.

Его веснушчатое лицо вытягивается. Курносый нос обиженно сопит.

– Поторопись. Расставь все по местам. Затем можешь присоединиться к остальным на лугу.

Его лицо светлеет. Он кланяется. Прежде он никогда не кланялся, но я изменился, и люди теперь боятся меня.

– Елена, драгоценная моя, я удаляюсь, чтобы надеть свои одежды. Возможно, я буду другим человеком, когда вернусь.

Она тяжело вздыхает, она извивается на постели.

– О, скорее! Пожалуйста!

Ее животная страсть и притягивает меня, и отталкивает. О проклятие! Такого рода вещи я никогда раньше не почитал запретными! И ради какого-то богатства, знания, власти... Это!

Иду вдоль нескончаемых коридоров, среди сверкающего хрусталя, мрамора, многоцветных гобеленов. Тысячи статуй моего дворца плачут:

– Помедли! Спаси нас, Фауст! Не возвращайся туда! Мы станем уродливыми...

– Простите меня, красавицы, – отвечаю я, – но вас мне недостаточно. Я должен постараться вернуть себе то, что было когда-то моим. Я иду дальше и слышу позади рыдания.

Северная комната затянута черным, и Круг начертан на полу. Свечи бичуют тьму огненными кнутами. Стены каруселью ходят в умоляющих глазах Вагнера.

– Хорошая работа. А теперь иди себе, Вагнер. Радуйся дню, радуйся своей юности...

Мой голос обрывается, но Вагнер уже далеко.

Черные одеяния вызывают у меня дрожь отвращения. Они столь несовместимы с моим существом... я сам не знаю почему.

– Сгустись, тьма!

На меня наваливается тяжесть. Скоро, скоро установится связь.

– Великий рогатый, призываю тебя из глубин...

Каждая свеча превращается в костер.

Но огонь не источает света. Видимая тьма...

– Всеми великими именами заклинаю тебя, явись передо мной...

И вот он здесь, и мои члены наливаются свинцом. Два глаза, мерцающих, немигающих, из покровов абсолютной тьмы.

– Фауст, ты звал меня.

– Да, великий рогатый, Властелин Празднества, я призы-

вал тебя сегодня.

– Чего тебе надобно?

– Расторгнуть сделку!

– Почему?

– Желаю вновь стать таким же, как все. Я сожалею о том, что заключил договор. Возьми назад все, что дал мне! Сделай меня подобным беднейшему попрошайке у моих ворот, но сделай меня тем, кем я был.

– Фауст. Фауст. Фауст. Трижды называю я твое имя с сожалением. Ибо все уже не так, как я желаю или как ты желаешь, но согласно изъявленному желанию.

Голова у меня кружится, колени подгибаются. Я шагаю вперед и разрываю Круг.

– Тогда поглоти меня. Я не желаю больше жить.

Покров тьмы колыхнулся.

– Я не могу, Фауст. Это твоя судьба.

– Но почему? Что я сделал такого, отчего стал таким особым, что отделило меня от остальных?

– Ты принял душу в обмен на жажду жизни, ты же знаешь.

– Что такое душа?

– Я не знаю. Но это было частью договора, и в этом мире существуют условия, которые я обязан соблюдать. Ты навечно, бесповоротно спасен.

– Есть ли что-то, что я могу с этим сделать?

– Ничего.

Непосильной тяжестью давят на меня черные одежды.

– Тогда изыди, великий. Ты был хорошим богом, но во мне что-то повернулось. Я должен искать другого бога, ибо странные вещи беспокоят меня.

– Прощай, благородный Фауст – несчастнейший из людей. Опустевшие стены кружатся каруселью. Круг за кругом. Огромное зеленое солнце перемалывает все на своем пути. На веки вечные.

Звенят проклятые колокола времен Оргий! И посередине я, один.